



*Анатолий Николаевич Кряженков родился в 1943 году в поселке Алексеевка Воронежской области. Окончил отделение журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета. Многие годы работал главным редактором Алексеевской районной газеты «Заря» Белгородской области. Краевед, публицист. Публиковался в журнале «Подъём», альманахе «Светоч». Автор многих краеведческих книг. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии «Прохоровское поле». Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живет в городе Алексеевка Белгородской области.*

## Анатолий Кряженков

### НАШЕСТВИЕ

(К годовщине освобождения Белгородской и Воронежской земли от немецко-фашистских захватчиков)

**Т**ерритория нынешней Белгородской области в годы Великой Отечественной войны была оккупирована в два этапа. В то время до 1954 года часть районов входила в пределы Курской области, другая часть — в состав Воронежской области. Западные районы вместе с Белгородом были заняты немецкими войсками в октябре 1941 года. Примерной линией разграничения на зиму и весну 1941–1942 годов стало русло реки Северский Донец.

В восточную часть Белгородчины армии нацистов нагрянули при наступлении в июне — июле 1942 года. Тогда враг занял «курские» районы, а также Алексеевский, прилегающие Ладомировский, Уколовский, Никитовский, Буденновский и другие районы на западе Воронежской области. Свое господство захватчики установили по правобережью Дона.

В первые июльские дни 1942 года связь Алексеевки (тогда рабочего поселка) с соседними районами была прервана. С областным центром Воронежем она была прервана 5 июля. Накануне поселок подвергся ожесточенной бомбежке. Растерянные и подавленные жители прятались в разных укрытиях. Массовой организованной эвакуации не было. Она проходила впопыхах и лихорадочно. Все, кто мог — в первую очередь, работники предприятий и учреждений, — устремились к Дону.

Алексеевка была оккупирована 5 июля. Местные жители оцепенели и замерли в тревожном ожидании при виде иноземного нашествия. Немецкие мотоциклисты наскочили, будто черти из табакерки, протарахтели с так называемой Иловской горы, слетели на улицу Пролетарскую, для остротки сделали несколько бесцельных автоматных очередей и занялись пополнением продовольствия. По слободе разносилось их требовательные крики: «Матка, яйки, млеко!..» Они отбирали у местных жителей съестные припасы, ловили по дворам кур, уток, гусей, забирали скот.

Одно шумное сборище уходило, другое с таким же пылом продолжало разорять подворья. «Фашистская сила темная, проклятая орда» начала хозяйничать, наводит «новый» порядок. Грабеж, унижения и расправа — вот главные признаки той власти. На солдатских ремнях бросалось в глаза тиснение «Gott mit uns» («С нами Бог»). Не Бог был с ними, а дьявол. О таких людях в народе говорят: «Креста на них нет». Женщинами овладел страх, они боялись за себя, за детей, за мужей, воевавших где-то далеко. Нет-нет, да и возникало ощущение обреченности.

И все же... В памяти жителя Алексеевки, а тогда подростка, Владимира Дмитриевича Фильченко сохранился такой эпизод. На углу улиц Ольминского и Чкалова в полдень 5 июля на большой скорости, миновав Николаевский мост, мчалась наша «полторка». За ней гнался немецкий мотоциклист. Он опередил грузовик и, направив автомат, заставил остановиться. Немец вытащил из кабины водителя, но тут же получил жестокий удар по голове и свалился замертво. «Полторка» быстро скрылась за переездом по направлению к Матрено-Гезово, в кузове находились раненые.

Свирепая, не знающая жалости сущность вооруженных чужеземцев поразила жителей села Ильинка в первый же день оккупации. Ужаснувшийся

сельчан случай сохранился в памяти старожилов и некоторых очевидцев и дошел до наших дней. В тот день, 5 июля 1942 года, на станции Олегово железнодорожникам выдавали продовольственные пайки. На стальной магистральной работали несколько мужчин и женщин из Ильинки. Не ведая о начавшейся оккупации, одни из них отправились туда раньше, а другая группа — чуть позже. Вдруг идущие на станцию люди услышали автоматные и пулеметные очереди. Они решили переждать некоторое время в тоннеле под железной дорогой на 71-м километре перегона Валуйки-Лиски. Там же спрятались и те, кто уже возвращался из Олегово. В это время, прочесывая поле, немцы обнаружили своего убитого офицера. И тут же заметили, как в тоннель нырнули два красноармейца.

Озлобленные фашисты окружили ильинцев. Женщин и подростков отпустили, а мужчин отвели в находившийся неподалеку глиняный карьер и расстреляли. Уходя, забросали это место гранатами. Взрывами были изуродованы тела казненных мужчин до неузнаваемости.

В настоящее время на месте расстрела — огражденное и ухоженное захоронение с именами 11 погибших. Новый памятник изготовлен недавно по инициативе руководителя НПО «Алексеевское» В.И. Костенникова.

В первые же дни нашествия несколько прятавшихся бойцов Красной армии оказались в хуторе Красная Левада Уколовского (ныне Красненского) района. Они не успели оторваться от наседавших мадьярских карателей и вынуждены были прятаться, попросив у местных жителей гражданскую одежду. Оделись в то, что достали хуторяне из сундуков. Один из отступавших, раненый офицер, скрывался в бурьянах в саду.

На рассвете оккупанты начали облаву, предполагая, что в подворьях скрываются партизаны. Все мужское население, начиная с мальчишек, согнали в

амбар. Здесь под угрозой оружия стали требовать выдачи партизан. В это время один из мадьяр заметил в бурьяне раненого офицера и наставил на него винтовку. Но тот первым выстрелил во врага, скрылся в подсолнечнике и ушел от погони.

Оккупанты всполошились, и в хуторе начался беспредел. Женщин и детей выгнали на улицу и подожгли дома. Заложников, в том числе и старосту, вывели из амбара, заставили лечь вниз лицом и начали выявлять наиболее способных к сопротивлению. Подростков и стариков — в одну сторону, остальных — в другую. Обращали внимание на короткую стрижку — значит, красноармеец. Подозрительных взрослых вывели в сад и начали расстреливать. Пожилой колхозник Е.Г. Коротоножкин начал упрашивать врагов пощадить женщин и детей. Ему тут же вырвали бороду.

Бесчинства продолжились. Оставшихся подростков и стариков согнали в конюшню, где уже находились женщины и дети. Вокруг строения установили пулеметы, подвезли бочку с горючим. Все говорило о подготовке к жестокой расправе над мирными жителями. С минуты на минуту невольники могли оказаться в огненной ловушке.

Когда начался произвол, староста поторопился в райцентр Красное и доложил о случившемся коменданту. Тот, понимая, что свои же вояки перегнули палку, сразу выехал на место, приказал мадьярам прекратить истязания и выехать из хутора. Обер-лейтенант Элерман проявил «гуманность» потому, что фронт был близок и он боялся озлобить население.

Вместе с другими односельчанами пережить тот жуткий день выпало на долю бывшего подростка Ивана Акимовича Бабина и Евдокии Дмитриевны Дурневой — дочери расстрелянного Дмитрия Федоровича Шатова. По их воспоминаниям восстановлен этот эпизод.

В сгоревшем хуторе остались женщи-

ны, старики, дети. Из 102 дворов только 11 не были сожжены. На следующее утро хуторяне похоронили в братской могиле убитых. Там покоятся останки 37 человек: 14 местных жителей и 23 воина Красной армии, попавших в окружение.

В настоящее время о трагедии хутора 7 июля 1942 года напоминают разросшийся сад и слова «Памяти расстрелянных жителей Красной Левады» на мемориале, установленном здесь в 1972 году и обновленном в 2009 году. После войны часть оставшихся жителей переселилась в Крым, часть трудилась в колхозе, пока не началась кампания неперспективных поселений, в разряд которых вошла и Красная Левада.

Судьбы многих бойцов и командиров, выживших из окружения, складывались печально. Возле хутора Яружный в Уколовском районе группа раненых красноармейцев спряталась в лесу. Боеприпасы у всех кончились. Захватчики прочесали зеленый массив и обнаружили беспомощных воинов. Кое-как перевязанных, хромящих и стонущих, их вывели на дорогу. К пленным подъехала легковая машина, из которой выскочил офицер и приказал всех расстрелять, и 49 человек были казнены.

О своих тревожных переживаниях вспомнили супруги-алексеевцы Перепелица. Перед глазами Марии Тихоновны на всю жизнь остались такие картины: «Помню, как первый раз прилетел самолет и начал бомбить. А мы с мамой на огороде были — рвали бурьян. Попадали на землю и лежим. Мне тогда 9 лет было. Вот так началась война...» Немцы ходили по домам и отбирали еду, угоняли скотину, выкапывали картошку.

Петр Иванович о том времени не может поведать без слез. Как-то летом 1942 года по Алексеевке прошел слух, что по их улице Сталина (ныне Маяковского) поведут пленных. А было жарко, август. Местные жители поставили вдоль дороги бочки с водой, чтобы те

могли попить. И что из еды было, везли: у кого печеная картошка, у кого кусок хлеба. Мама Петра Ивановича кукурузных початков наварила, в узелок их сложила и говорит: «Петя, сынок, сходи! Может, и батьке так же дадут. Он тоже воюет и, может, голодный...» Мальчик пошел и, когда мимо проходила колонна изможденных пленных, бросил сумку с кочанами в толпу. Поднялась суета. Охранники принялись восстанавливать порядок, а немецкий офицер велел подозвать зачинщика. Мальчика привели. Переводчица по просьбе офицера спросила: «Это ты бросил? Зачем?». Он признался: «Я бросил, потому что они голодные». В ответ рассвирепевший офицер принялся избивать его нагайкой. Переводчица шепнула: «Беги, а то застрелит!». Испуганный мальчик убежал дворами и скрывался до ночи, опасаясь возвращаться домой.

Жительница Иловки Мария Захаровна Рыжих поразила поведками оккупантов в первый же день появления их в селе. На всю жизнь перед ее глазами осталась картина июльского полдня 1942 года. Один из чужеземных грузовиков остановился у сельской околицы. Соскочившие с кузова солдаты принялись ловить пасущихся телят и, несмотря на возмущенные крики и просьбы женщин, погрузили несколько животных в кузов и уехали. При этом весело переговаривались и хохотали.

Захватчики принуждали население ко всем сельским работам. Мария Захаровна вспоминала, что в то лето выдался хороший урожай ржи. До оккупации обмолотить зерновые не успели. Захватчики заставляли иловцев вручную заниматься уборкой и скирдованием ржи, урожай грузили на телеги и немедленно препровождали на станцию Алексеевка. Вместе с другими односельчанами девушку выгоняли на расположенный рядом с селом аэродром венгерской части. Там женщины надрывались на тяжелых земляных работах по сооружению укрытий под

пригладом придирчивых солдат слобачкого стрелкового батальона. С наступлением зимы сельчан немилосердно понукали на расчистке заснеженных дорог. Охраняли их мадьяры и местные полицейские, которые не испытывали жалости к подневольным.

Тяжкие испытания выпали на долю еще одной жительницы Иловки Натальи Андреевны Костылевой в последние недели оккупации. В декабре 1942 года ее вместе с односельчанами согнали на строительство укреплений на правом берегу Дона у села Марки (ныне Каменский район Воронежской области). Туда в стужу шли пешком около ста километров. Рыли противотанковые рвы в невыносимых бытовых условиях, при скудном питании. Жили в холодном сарае, питались мясом убитых, иногда павших лошадей. Мерзлую землю на лютom морозе 19-летняя девушка и ее подруги долбили киркой и грузили на носилки лопатой. Охрану несли мадьяры, в руках у них были длинные резиновые палки и плети, которые пускали в ход за малейшую провинность.

Жестокости оккупантов не было предела. Девушка вспоминала: «Однажды из-за Дона, со стороны советских войск, начался обстрел, и один из снарядов разорвался недалеко от немцев. Решив, что среди занятых на строительстве людей находится корректировщик, охранники согнали всех в одно место и приказали раздеться. Долгое время раздетые до нижнего белья люди стояли на морозе, пока охрана пыталась найти следы передатчика».

Венгры, занявшие Иловский полевой аэродром, заставили местное население налаживать подъездные пути к нему, рыть землянки и сооружать капониры, а зимой чистить там снег. Местный житель Н.А. Покладов вспоминал: «Сразу в начале оккупации нам, 14–17-летним подросткам, кто не был задействован на каких-либо производствах, приказали выходить на “наряд”, где каждому определяли работу на

день. С неделю — может, дольше — вместе с другими я разбирал западную часть ограды кладбища возле храма Александра Невского. Тогда оно было огорожено толстой кирпичной стеной. Кирпич грузили на телеги и направляли их по Иловскому большаку к лесу. Там, сразу при спуске с большака, есть низина. Ее кирпичом и закладывали, чтоб была проезжей к аэродрому в сяכות».

Венгерские летчики жили в школе на Дмитриевке. На аэродром и обратно их доставляли на автотранспорте. Механики были размещены по избам.

Когда говорят, что против СССР ополчилась вся Европа, то за примерами далеко ходить не надо. Кроме венгров и немцев, на аэродроме в период оккупации размещалась «ремонтная группа» голландцев. Она располагала передвижными мастерскими — машинами с будками, укомплектованными «буржуйками». Квартировала эта группа обособленно, в сосновом массиве возле нынешней опытной станции. Об этом вспоминал старожил Алексеевки А.В. Осташевский.

В Воронежской области к тому же в боевых действиях участвовали итальянцы, румыны, хорваты, словаки, добровольцы-поляки, военные специалисты из Португалии. Финские батальоны учили оккупантов лыжному ходу. По сути, это была коалиционная война Европы в нашем Придонье.

Потрепанные части этой коалиции откатились на Запад через Алексеевский район в 20-х числах января 1943 года. Нацистов уничтожали и пленили подразделения и части 305-й стрелковой дивизии, 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии. То были героические страницы освобождения нашей края от гитлеровского нашествия в ходе Острогжско-Россошанской операции.

Репрессии захватчиков на нашей земле не прекращались летом, осенью, в декабре 1942-го и первой половине января 1943 года. После изгнания оккупантов в Алексеевке и селах района, как

и в других населенных пунктах, переживших фашистскую неволю, были созданы комиссии по расследованию злодеяний. Факты отражались в актах на основе заявлений граждан, опроса потерпевших и свидетелей, врачебных экспертиз и осмотра мест совершения преступлений.

Жуткая картина издевательств и истязаний предстала перед Алексеевской комиссией. Увиденное отражено в акте № 12, который составили 6 ноября 1943 года члены комиссии по расследованию злодеяний фашистов.

К смерти нельзя привыкнуть. С душевным надрывом составлялся этот документ. Правда, внешне оформлено обыденно, «по форме». Будто что-то привычное.

«2-го ноября 1943 года обнаружено пять ям с трупами советских граждан, расстрелянных немецко-фашистскими бандами. Из них две ямы находятся вблизи пригородного поселка Николаевки в двухстах метрах восточнее кирпичного завода Алексеевского райпромкомбината и три ямы — в одном километре от железнодорожной станции Алексеевка, в трехстах метрах южнее железнодорожного переезда, через который идет грейдерная дорога на с. Гарбузы.

Вышеуказанной комиссией в присутствии свидетелей произведена раскопка всех пяти ям, из которых извлечены девяносто один труп советских граждан, жертв немецко-фашистских оккупантов, из которых семьдесят восемь трупов мужчин, 11 женщин, 2 детей».

В 1943 году была составлена сводная ведомость о преступлениях, совершенных оккупантами и их сообщниками в селах Алексеевского района. В документе указаны возрастные группы репрессированных — в основном, от 14 до 55 лет. За полгода «нового порядка» повешены, расстреляны и замучены сотни людей.

Алексеевцы знали об отсутствии жалости у оккупантов, но все равно были поражены их бессердечием и

жестокостью. Не щадили даже своих однополчан. Печальное зрелище представляла территория венгерского госпиталя, находившегося в здании профтехучилища. Под натиском подразделений Красной армии санитарная автоколонна трусливо драпанула, оставив своих тяжелораненых на произвол судьбы. Здание подожгли отступавшие немцы. Некоторые раненые добирались до окон и выбрасывались со второго этажа. Спасшись от огня, венгры замерзали на 30-градусном морозе. Другие сгорели заживо. Вокруг здания скрючились десятки забинтованных трупов, пока их не убрали.

Вообще после освобождения алексеевцы насмотрелись на поверженных вояк. Замызганный внешний вид убитых венгров и немцев стал для них плачевным итогом похода на восток. Заочеченные трупы были похожи на чучела: обтянутые тряпками сапоги, обложенные соломой голенища, завязанные полотенцами уши. Некоторые закутаны в одеяла, женские шали и платки. Иные оказались в тощих негреющих шинелях, порванных штанах, на головах — замусоленные пилотки, уши прикрыты тряпьем.

Было ли чувство жалости у населения к поверженным захватчикам? Вероятно, было. Русская душа отходчива. Женщины, глядя на жалкие останки венгров и немцев, невольно представляли, как их не дождутся дома далекие матери или жены. Но это чувство возникло мимолетно. Подавляющими оставались впечатления об устрашающих пунктах оккупационного объявления «воззвания», которые за каждый проступок обещали одно — расстрел. Под такой угрозой жизнь превращалась в постоянное напряженное ожидание беды. Не забывались и многочисленные и непосильные работы под дулами винтовок и автоматов!

Красноречивы итоговые данные освободительного вала Красной армии. В боях за Алексеевку было уничтожено более 2700 солдат и офицеров против-

ника, взято в плен свыше 4600 человек, захвачено 25 орудий, 14 танков, 1500 лошадей, 1300 повозок, 6500 винтовок, 40 мотоциклов и другого оборудования.

За воинскую доблесть при освобождении Алексеевки около 500 бойцов и командиров награждены орденами и медалями. Среди них — майор Петр Петрович Черненко, капитан Василий Варфоломеевич Никитин, лейтенант Евгений Андреевич Кривой, техник-лейтенант Иван Яковлевич Лысокобылко, младшие лейтенанты Валентин Константинович Денисов, Михаил Ильич Цападай, старшина Дмитрий Аверьянович Жуйлов, сержант Иван Павлович Погорелов...

Подвиг совершил механик-водитель Т-34 старшина Арсений Елисеевич Криштал, который вместе с экипажем проделал бросок по вражеской колонне, а когда танк заглох, смог отремонтировать его на лютном морозе и вернуться в строй. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Боевыми наградами отмечены и командиры бригад Иван Иванович Сергеев и Александр Алексеевич Головачев.

Мирное небо над поселком восстановилось после героической гибели сотен освободителей. Мемориальные плиты на Никольской площади свидетельствуют о захоронении в братской могиле 274 бойцов и командиров Красной армии. На Центральном кладбище покоятся 542 воина, установлены имена 415 человек. После реконструкции в 1975 году братская могила выделяется 6-метровой стелой с орденом Отечественной войны в верхней части. К ней примыкает бетонная стена, на которой укреплены плиты с именами освободителей.

У каждого из погибших — своя судьба, своя семья, своя малая родина. Они отдали самое дорогое — жизни в боях за мирное бытие на берегах Тихой Сосны. На алексеевской земле нашли свой последний приют воины разных званий — от рядового до подполковника. Они уроженцы многих городов и сел

многочисленной страны. На братской могиле Центрального кладбища рядом с русскими фамилиями И. Багрянцев, П. Морозов или украинскими В. Перепятык, И. Фенюк соседствуют А. Бекматуров, А. Гофштейн, Кшужи-бари, Ш. Одисинав, Р. Худайбаронов, К. Юлданов. И каждый достоин памятного слова.

Если в известной песне о парящих в небе белых журавлях — душах павших воинов — предполагается их широкий фронт, то, следуя этому же видению, на земле люди в шинелях выстроились бы в нескончаемую шеренгу, которую образовали бы освободители, сложившие головы в боях за Алексе-евку.

Вот почему Острогожско-Россошанскую наступательную операцию называют «Сталинградом на Верхнем Дону». Германские части, их венгерские, итальянские и иные пособники из Западной Европы, прочно окопавшиеся на правом берегу Дона, были окружены и разгромлены. Пали вражеские стяги. Войска Красной армии в январе 1943 года продвинулись на запад на 140 километров, разгромили 15 дивизий, нанесли поражение 6 дивизиям. Около 50 тысяч венгров и итальянцев навсегда полегли в полях Придонья, было взято в плен 86 тысяч вражеских солдат и офицеров. Самой страшной трагедией для вооруженных сил Венгрии за всю историю страны стал крах на Воронежской и Белгородской землях 2-й армии численностью более 200 тысяч человек. Итальянцы после своей *scopfitta* (катастрофы) полностью выбыли из войны на востоке.

На месте завершения Острогожско-Россошанской операции возле села Подсереднее в августе 1973 года воздвигнут монумент. На торжества из разных уголков России в том же месяце прибыли многие воины-освободители, среди них из Минска — командир 305-й стрелковой дивизии, генерал-майор И.А. Данилович. Фронтовики в минуту молчания застыли возле братской могилы (640 воинов); в перепол-

ненном зале Дома культуры вспоминали, как наши воины здесь прославили русское оружие и боевые знамена. Эти слова впитывали впечатлительные молодые сердца.

Нашествие частей и подразделений со всей Европы на нашу землю закончилось горами исковерканных орудий и бронемашин и поросшими травой могилами самоуверенных захватчиков. Гитлеровцы бахвалились, что немцы никогда не отдадут обратно земли, на которые хоть раз ступила их нога. «На крепкий сук — острый топор», — говорят в народе.

Раньше об этом нашествии в нашей стране говорили не всю правду. А ведь почти в каждой стране Европы нашлись добровольцы и регулярные части, желающие повоевать в России. После войны текущая «высокая» политика отодвигала на сторону правду истории. Некоторые страны, воевавшие против СССР, стали союзниками. Громко говорить об их потакании Гитлеру стало некорректно. Двуличная Европа временно хранила благовидное обличье. А тут еще наша главная слабость — всепрощение.

Но, как говорится, натура переделке не поддается. В XXI веке Запад вновь проявил свою алчную враждебную сущность, продвигая агрессивный блок НАТО на восток. Для нас вернулось время исторической правды. Мы понимаем, что наследники гитлеровской идеологии и военные преступники не прощают нам нашей Великой Победы. Усердно участвовавшие в геноциде русского населения, они теперь считают, что мы должны каяться за былую «оккупацию».

Пришла пора обратиться к былой исторической конкретности. Гитлер лишь унаследовал европейский дух неприязни. Александр Пушкин в свое время был убежден, что Европа по отношению к России «столь невежественна, сколь и неблагоприятна». Витийствующим оппонентам в стихотворении «Клеветникам России» он напомнил о бесславном нашествии Наполеона и

назвал страницу отечественной гордости: *«На развалинах пылающей Москвы мы не признали наглой воли / Того, под кем дрожали вы? / За то, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?»* С осознанием национального достоинства поэт напоминает: *«Иль нам с Европой спорить ново? Иль русский от побед отвык?»*

Историк Николай Данилевский в 1868 году в книге «Россия и Европа» повторял: «Все самобытно русское и сла-

вянское кажется ей (Европе. — А.К.) достойным презрения, а искоренение его составляет священную обязанность и истинную задачу цивилизации... Русский в их глазах может претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик».

В лицемерии коллективной Европы убеждаемся сегодня. Ведь именно вековая враждебность Запада привела к тому, что в настоящее время мы переживаем за боевые действия на Донбассе, в российском приграничье.

